

ватели предлагают перейти от охранного законодательства к антидискриминационному.

Общей тенденцией является низкий уровень представительства женщин на уровне принятия решений как в государственном, так и в негосударственном секторах занятости. Можно говорить о сохранении феномена «стеклянного потолка», неформальных барьеров препятствующих продвижению женщин на высшие ступени управленческой структуры (методы скрытой дискриминации). С повышением должностной ступени, снижается доля занятых там женщин. Однако практика доказывает, что женщины, взявшие на себя «бремя лидерства», как правило, справляются с ним. Политическое пространство принадлежит всем гражданам, но монопольными его владельцами являются мужчины. Хотя женщины составляют половину избирателей, на их долю приходится лишь 10 % мест в парламентах мира и 6 % в национальных правительствах. На основе разнообразных исследований и опросов был сделан однозначный вывод: потенциалы преимуществ мужчин- и женщин-руководителей дополняют друг друга. Результаты многочисленных гендерных исследований говорят о том, что женщины должны присутствовать в структурах государственной власти не только для того, чтобы обеспечить количественное равенство руководителей или для самореализации, это необходимо для принятия объективных решений, для осуществления качественных преобразований окружающего мира в соответствии с потребностями и мужчин, и женщин. Женщина не должна играть по мужским правилам, она должна реализовывать свою мечту о гармонии между личной и общественной жизнью.

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРАВА

Е. В. Бурый

Постановка вопроса о соотношении права и морали – шанс измениться, пока всеобщий процесс дисгармонизации не стал необратимым. Гнетущее «количество» права не способствует адекватному его применению. Обезличенное, оно опускает руки перед прогрессирующей безнравственностью. Апелляция же к дхарме (добродетели) в индусском праве, к морали в Китае и Японии «позволяет чаще находить в правовом конфликте компромисс и примирение» [4, с. 10]. Зачастую инструментарий академической науки – линзы, а не глаза первобытного человека. Архитекторы новой правовой реальности настолько увлечены помпезностью возводимого ими небоскреба, что отказывают предыдущим поколениям, Другому и в «технологии» строительства, и в фундаменте. Зияющая ды-

ра, на которой возводится этот колосс, пророчит ему больные глиняные ноги, и едва ли не даст не упасть.

Мораль и нравственность часто отождествляются. Под моралью мы понимаем мир должного. Под нравственностью – попытку воплощения морали, практикуемые нравы. [15, с. 21]. «...конкретное тождество добра и субъективной воли, их истина есть нравственность» [3, с. 198]. «Тогда и право – идеальный порядок бытия... В чем же разница?» Неравнозначность не лишает понятия единства. Примат позитивизма отрицает Высшее Право, допуская право «хорошее» и «плохое». Его приговор: право – относительно. Но категории «хорошее/плохое» – моральные и нравственные. Так право становится «хорошим», обеспечивая «волю господствующего класса». Абсолютность положения об относительности очевидна; оно – ничтожно. Если же субъективность – доминантный атрибут человеческого бытия, а с ним и творимого руками человека царствующего права, объективное есть именуемое нами таковым...

Как «форма выражения свободы» [7, с. 20] право есть множество точек и плоскостей; как форма завершенная – шар. Закон – круглая плоскость, бросаема в стороны мятущимися общественными отношениями. Конкретное законодательство – срез права, теряющий лоск отца с утратой главного – постоянного движения к совершенству (а не к самосовершенствованию). Энергия беспорядочных движений растрачивается впустую. Только целенаправленное плоскостное вращение Нормы увеличивает ее потенциал хотя бы визуально превратиться в шар и получить энергию системы права. Не изменяющиеся (-чивые) общественные отношения – движущая сила Закона, а мораль, т.е. благо.

Обратимся к древности. В Ля Шапелле найден 40–50-летний палеоантроп времен начала социогенеза, почти беззубый, со сломанным бедром, пораженный деформирующим артритом. Возможность выживания – в непрекращающемся снабжении пищей; так он и просуществовал несколько лет(!) [4, с. 109]. «Правовой» оттенок принципа взаимопомощи хорошо заметен в изгнании неблагонадежных. Следствие в т. ч. и такого «нравственного прогресса» – возникновение родовой общины. В выделении ее не последнюю роль сыграл тотемизм. Строгая экзогамность племенных кланов, имя тотема как регулятор внутриклановой связи – его нормы [12, с. 418]. Нарушение табу на инцест – жестоко караемое преступление. У нивхов виновный должен был покончить с собой [4, с. 111]. Единство морально-правового космоса племени (смещение морального и правового, «моральное» наказание за правовой проступок, и наоборот) – вне сомнений (в алеутской этике, к примеру, стыдно быть уличенным в воровстве [5, с. 71–72].).

Нельзя не заметить и присущего первобытному сознанию магизма, в становлении семейного права также отличившегося. «...детская игра в воображаемых персонажей побудила другие народности использовать симуляцию родов как форму усыновления и даже возвращения к жизни человека, считавшегося мертвым» [14, с. 22]. О связи магии и права говорит система симпатической магии, позитивные предписания перемежающаяся с негативными. Естественно, что «он [дикарь] воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить» [14, с. 27]. Логическое следствие – табуирование. Но даже квазиправовой характер магической техники (сделка с тотемом, умершими, богами) [11, с. 65] не смягчит вердикта: право – выкидыш подтачивающей мораль магии. Магическое сознание антагонистично правовому. Изменение естественного хода вещей – порядконарушение – правонарушение. (Не)понимание (не)справедливости, корысть, обида – эмоции – вершат «правосудие». С ростом количества людей, с делением на «своих и чужих» (каннибализм), право проникает в частную собственность и отношения с чужаками. Отсюда и табу на общение с иноплеменниками, «потенциальными носителями «зловредной» магии» [4, с. 113]. Вывод: у каждого своя «магия» (своя истина), свой закон, но не Право (оно едино).

Неоднозначным вкладом в развитие правового сознания славян и миф. «Характеризуя миф как «императивную модель для соответствующего устройства человеческих связей и отношений», В. С. Нерсисянц резюмирует: «В примитивных обществах мифология выполняет функции объяснения и легитимации социальных норм» [4, с. 128]. Сложившиеся рычаги воздействия и регуляции миф возводит в ранг нормативного прецедента [4, с. 129]. Миф, как нечто сродни магии в ее стремлении к законотворчеству и праворазрушению, отрицает Право, утверждаясь в форме «закон-на-в-себе». Рационализация vs героизация и поражение последней. Высшие эмоции задают вектор «божественной мудрости», как человеческие – степень верности ее проекции на земные реалии...

Миф, ритуал, магия, тотемизм – не источники права, не проявления его. Эти феномены культуры – проявления возведенного к общему знаменателю понимания человека о праве, это – объективация правопереживания. В Декалоге – последней красивой попытке утверждения правоморального единства – «нормы взаимоотношений между людьми прямо вытекают и зависят от взаимоотношений людей с Богом» [1, с. 39]. Заповеди первой скрижали (отношения с Богом) соответствует заповедь второй (общественные отношения) [16, с. 398]. Сегодня же право, по мнению В. С. Соловьева – «минимум нравственности»... И его задача «не в

том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [13, с. 402]. Добавим остренького от Ф. Ницше: «Подчинение морали может быть или рабским, или суетным, или своекорыстным, или самоотверженным, или глуповосторженным, или бессмысленным, или актом отчаяния: в самом по себе в этом еще нет ничего нравственного» [8, с. 422–423]. Возражение против судейского трона морали постулирует отсутствие критерия, которым бы закон правовой отличался от неправового, т. к. мораль видится величиной переменной. Шквал возражений – и общество на пороге конфликта: «морально ли соблюдать законы и законно ли следовать морали?» [13, с. 402]. Вопрос бессмыслен: мораль всегда велит следовать праву, предполагая его справедливость. Но морально ли соблюдать неморальные законы? И могут ли неморальные законы являться правовыми?.. Только абсолютная величина может служить точкой отсчета и корректным критерием [9, с. 148]. Но точки над «і» расставляет практика... «Ведь при всем многообразии научных мнений и подходов к исследуемым явлениям объективная истина все же одна. И критерием истинности является практика» [2, с. 17]. Критерием правильности деяний отныне служит сам факт того, что ты это делаешь, легко трансформирующийся в факт того, что это делаешь именно ты. Да, не всякая теория проходит испытание практикой, но всякая воплощаемая теория есть эксперимент над обществом. Система права, не будучи вышколена моралью, обречена на провал и тоталитарность. «Развитое состояние моральности – необходимое условие для утверждения правовой легальности» [7, с. 42] – замечает В. С. Нерсисянц. И дальше обвиняет естественное право в подмене правовой оценки закона и государства нравственной [7, с. 55]. Обратиться Н. Макиавелли: «...чтобы правитель мог успешно решать стоящие перед ним задачи, он должен быть не только выше закона, но и выше обычной нравственности, выше кодекса чести, который был привилегией и достоинством рыцарства» [6, с. 22–23]. Такое восприятие «Государя» И. А. Гончаровым вряд ли может показаться спорным.

Согласительные комиссии, профессиональный арбитраж, товарищеские и семейные суды – не признак ли поиска более простых и быстрых решений? [4, с. 27]. В отсутствие наработанных схем морально-правового взаимодействия это путь к стагнации. И крах проекта Цивилизация не заставит себя ждать, если «правовой дарвинизм» станет «категорическим императивом». Вспомним слова апостола Павла: «Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Римл. 13.10). И странно звучат строки Л. И. Петражицкого: «сознание правового долга... оказывает более сильное давление на поведение, ... нежели...

сознание чисто нравственного... долга» [10, с. 127]. Ничто теперь не мешает «праву», свободному от «уз» морали, творимому богами политического Олимпа, облачиться в идеологические рясы и править, не будучи уже чем-либо сдерживаемым. Свершилось.

Литература

1. Букреев В. И., Римская И. Н. Этика права. М.: Юрайт, 2000.
2. Вишиневский А. Ф., Кучинский В. А., Горбатов Н. А. Общая теория государства и права. Мн.: Тесей, 1999.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
4. Ковлер А. И. Антропология права. М.: Норма, 2002.
5. Кропоткин П. А. Этика. М.: Издательство политической литературы, 1991.
6. Макиавелли Н. Государь. С-Пб.: Азбука, 2000.
7. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2001.
8. Ницше Ф. Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках. Мн.: Попурри, 1997.
9. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002.
10. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С-Пб.: Лань, 2000.
11. Проблемы общей теории государства и права. *Под ред. Нерсесянца В. С.* М.: Норма, 2002.
12. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000.
13. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М.: Вестник, 1997.
14. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Издательство Аст, 1998.
15. Человек и общество. *Под ред. Решетникова С. В.* Мн.: ТетраСистемс, 1999.
16. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М.: Теревинф, 2001.

ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД СОГЛАСНО БЕЛОРУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

С. Г. Василевич

Эффективное функционирование системы конституционного контроля возможно, когда в национальном законодательстве определен оптимальный круг субъектов обращения в орган специализированного конституционного контроля.

Согласно статье 6 закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» Конституционный Суд рассматривает вопросы конституционности нормативных актов на основании предложений Президента Республики Беларусь, Палаты представителей Национального собрания, Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Совета Министров, а также граждан, когда речь идет о нормативных актах местных Советов депутатов,